А

Л. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

В105227

Сказка

О ПЛЮШЕВОМ МЕДВЕЖОНКЕ

ОГИЗ ЧЕЛЯБГИЗ 1942

ONK
DET.

Л. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

В105 227

СКАЗКА О ПЛЮШЕВОМ МЕДВЕЖОНКЕ

ОГИЗ ЧЕЛЯБГИЗ 1942

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ БИБЛИОТЕКА

770718 V.V

ГПИБ России

10051757

В двери щелкнул замок и в комнате сразу стало пусто и тихо. В окна заглядывала ночь, такая же синяя и страшная, как синяя борода в сказке.

— Меня растоптали. Я лопнул, совершенно лопнул,—глухо прошептал резиновый мяч,—иголка, возьмите поскорей нитку и зашейте мне, пожалуйста, живот.

— К сожалению, я не могу выполнить вашу просьбу, потому что, во-первых, я нахожусь высоко—на комоде, в игольной подушке—и мне отсюда не слезть, во-вторых, такая операция бесполезна: разрыв

очень велик и все равно вы жить не будете,— пропищала в ответ иголка.

— Да, разрыв велик. Она права,—в последний раз тяжело вздохнул мяч и умолк.

— Нет, вы посмотрите только на эту вазочку. Она вся из тонкого китайского фарфора. Я всегда любовалась ее красотой. А теперь вот она лежит на полу, разбитая на мелкие кусочки,—прошипела свеча, роняя еще горячую стеариновую слезу на медный подсвечник.

— Да,—заскрипел комод,—вообще что-то непонятное совершается вокруг.

Он был совсем молод, этот комод. С него еще не успел сойти лак. Вот почему он немножко важничал и старался говорить особенно красиво.

— Послушайте, уважаемый Михаил Потапович, может быть, вы расскажете нам, что случилось с нашими хозяевами? Вас так любил маленький Володя и, наверное, вам все известно,—обратился он к плюшевому медвежонку.

Медвежонок молчал. Он не любил болтать попусту. Вот и сейчас: ну что он мог ответить на этот вопрос? Совсем ничего. Он и сам лежал на полу в этой, ставшей теперь пустой и неуютной, комнате, лежал, беспомощно вытянув свои неуклюжие лапы, обшитые розовато-кремовой бумазейкой. На полу, на столах, на диване валялись разбросанные вещи.

Такого беспорядка Мишка никогда еще

здесь не видел. Он удивленно таращил свои черные блестящие пуговки, но никак не мог понять так же, как и комод, что все это значит.

Может быть, он не понимал потому, что был самым обыкновенным игрушечным медвежонком, сшитым из шелковистого темно-коричневого плюша и набитым душистыми сосновыми опилками. А может быть и потому, что слишком много нового и неожиданного случилось в последние дни.

В самом деле, ведь он привык к тому, чтобы его хозяин и друг—маленький Володя,—просыпаясь каждое утро, весело говорил ему „Здравствуй!" и потом уже целый день не расставался с ним.

Они важно гуляли в зеленом скверике, потом обедали за одним столом: Володя ел суп или молоко, а Мишка—калачики, которые Володя отлично стряпал для него из мягкой белой глины. Иногда они рассматривали красивые пестрые картинки про Муху-Цокотуху и Мойдодыра.

Так было совсем еще недавно. Дни проходили спокойные, счастливые. Но вдруг все изменилось. Люди ходили какие-то взволнованные, и каждый раз, как из черного ящика на стене раздавалось: „Слушайте, слушайте! Говорит Москва!" — все замирали, слушая далекий голос.

Потом однажды пришел володин папа в новой шинели, перетянутый желтыми ремнями. Володя даже сначала не узнал его, а

потом весело захлопал в ладоши и стал просить, чтобы папка взял его с собой на войну бить фашистов. Но папа сказал, что бить фашистов будет он, папка, вместе с другими красноармейцами, а Володя должен слушать маму и ждать, когда папа вернется домой. Володя никак не хотел согласиться с этим и плакал долго, пока не уснул.

Мишка не знал ни войны, ни фашистов и безучастно смотрел на своего заплаканного друга.

Над городом с гудением пролетало что-то большое, черное. Володя называл это самолетами. Тогда слышались глухие удары, земля вздрагивала, дом шатался, стекла в окнах звенели. Бабушка хватала Володю за руку и убегала с ним в бомбоубежище.

А вот сегодня ночью неожиданно пришел папа. Он сказал:—Собирайте необходимое... Одевайте Володю... Через час за вами придет машина...

И опять исчез.

Мама и бабушка стали собирать вещи. Они совсем растерялись и метались, не зная, что взять с собой, забывали необходимое, укладывали ненужное. Так, например, Мишка отчетливо видел, что бабушка сунула в чемодан какую-то старую, пустую банку из-под какао, а хорошую эмалированную кастрюлечку, в которой всегда варила кашу для Володи, забыла.

Старушка вздыхала и всхлипывала, вытирая глаза. Мама крепилась, но видно было, что и ей очень тяжело. Только один Володя сладко спал в своей постели и даже не проснулся, когда мама стала его одевать. Он только ненадолго открыл глазенки, сонно посмотрел на нее и опять склонил кудрявую головку к ней на плечо, улыбаясь чему-то во сне.

Скоро пришел папа и с ним другие люди, в таких же, как и он, шинелях. Они постепенно вынесли чемоданы и спящего Володю. Вслед за ними вышли мама и бабушка, и в комнате сразу стало тихо.

Так вещи остались одни. Мишка свалился с володиного столика и о нем забыли. От этого ему было обидно. Он все так же лежал на полу, вытянув лапы, и молчал. Не получив ответа на свой вопрос, комод тоже затих. Стенные часы отсчитывали большим круглым маятником минуту за минутой, час за часом.

Ах, как Мишка хотел бы умереть! Но ведь игрушки не умирают даже от голода, и он решил, что остается только спокойно лежать.

Неожиданно весь дом вздрогнул от сильного удара.

— Нет, мы никак не можем итти, когда так сильно трясет,— протикали часы и остановились.

Теперь, когда они остановились, стало

совсем тихо, а время потянулось еще медленнее.

Вдруг послышался грубый стук в дверь. Ключ лежал в бабушкином кармане, а бабушка находилась, повидимому, далеко. Открыть было некому. Тогда на дверь посыпалась ругань и увесистые удары. Она никак не хотела никого впускать, но не выдержала, жалобно затрещала, и вся исковерканная, с переломанными ребрами, уступила дорогу непрошенным гостям.

Они ввалились в комнату и сразу же кинулись к вещам, топая тяжелыми, огромными сапогами, оставляя на полу комки грязи и навоза. Они хватали и совали в бесчисленные карманы все, что только попадало им под руку. Даже подсвечник вместе со свечой попали в карман. Они привыкли стоять на комоде и в кармане им очень не нравилось. Свеча даже хотела заплакать от обиды, но фитиль, который заменял ей сердце, давно перестал гореть и все слезы ее застыли.

Нет, эти люди вовсе не были похожи на володиного папку и на тех людей, которые приходили с ним. У тех на шлемах были маленькие красные звездочки, такие же, какие часто рисовал Володя в тетради, и лица их были простые, добрые, знакомые. А у этих с рукавов шинелей смотрели мертвые головы. Кроме того, они ругались, кричали, плевали на пол, вырывали друг у друга шелковые мамины платки, кофточки.

Вдруг один из них наклонился над Мишкой. Грязная, волосатая рука с черными ногтями протянулась и грубо схватила медвежонка за лапу. Желтые щетинистые усы зашевелились, губы растянулись во что-то похожее на улыбку.

— Гут!—сказали губы,—это будет отличный подарок моему сыну Вилли, когда мы победим и я вернусь домой.

— Тебе здорово повезло, Фриц,—сказал чей-то голос.

Мишка не видел того, кто это сказал, потому что, не отрываясь, смотрел на Фрица.

Теперь в черные мишкины пуговки смотрелись пустые бесцветные глаза. Фу, какие они были противные! Мишке даже показалось, что от отвращения под его плюшевой кожей поползли мурашки.

Человек, похожий на зверя, сунул его в карман шинели. Там было темно, тесно и пахло скверным табаком.

Теперь Мишке ничего не было видно. Скоро он почувствовал, что его новый хозяин куда-то бежит.

Мишке не сиделось в кармане. Мало помалу он стал пошевеливаться, подниматься. Наконец, его любопытная мордочка с красным фланелевым языком совсем высунулась из кармана.

Кругом вспыхивали огни, огромными комьями взлетала кверху земля, сыпались

обломки кирпичей, осколки оконных стекол. Что-то грохотало, свистело, шипело.

У ворот большого дома метнулась женщина с ребенком на руках. В первый момент Мишке показалось, что это Володя и его мама. Но малыш был куда меньше Володи, а мама моложе. Она не знала, куда ей спрятаться, беспомощно озиралась по сторонам и совсем уже хотела спуститься в соседний подвал, когда ее настиг Фриц. Медвежонок видел, как женщина крепко прижала ребенка к себе и в ужасе отшатнулась. Еще миг — и Фриц ударил ее прикладом по голове. Вся в крови, она упала на мостовую.

У Мишки закружилась голова. Хорошо еще, что у него не было сердца! Оно, верно, перевернулось бы от гнева и боли.

Когда Мишка очнулся, женщины уже не было видно, а хозяин его все бежал и бежал куда-то.

Теперь медвежонок думал о том, как хорошо бы превратиться в настоящего, живого медведя. Узнал бы тогда этот проходимец, какие сильные бывают лапы и крепкие зубы и когти у медведей!

Но это было невозможно. Зубов у него не было совсем, а когти были сделаны из шелковинок и он попрежнему оставался маленьким плюшевым медвежонком.

А вокруг все так же грохотало, шипело, вспыхивало. Похожие на Фрица люди ме-

тались по улицам города, как будто не зная куда им спрятаться.

Мишка недоумевал. Он никак не мог осознать своим опилочным умом, что здесь происходило.

Неожиданно из-за угла дома, навстречу Фрицу показалась какая-то знакомая, знакомая фигура в серой шинели, перетянутая желтыми ремнями. На шлеме алела маленькая звездочка.

И опять Фриц размахнулся винтовкой.

— Ах ты, негодяй такой! Не бывать тому, что ты задумал,—воскликнул про себя медвежонок. В тот же миг он вырвался из кармана и кубарем покатился под самые ноги Фрица.

Нога в огромном сапоге неожиданно скользнула по шелковистому плюшевому животу Мишки.

Фриц не удержал равновесия и упал на землю. И сейчас же штык пронзил его насквозь.

Медвежонок был доволен:

— Так тебе и надо!—думал он, лежа на земле.

— Ну вот, еще одним фашистом стало меньше!—сказал человек в шинели другому, подбегавшему сюда же,—не ожидал я его, признаться. Город-то ведь уже весь наш. А он, как из земли вырос, из-за угла вывернулся. Не знаю, каким чудом и спасся.

— Что это такое?—склонился он над медвежонком и вдруг радостно воскликнул:

— Мишук! Володин Мишук! Конечно, он! И ухо чуть держится, и левая пятка стерта. Вот так встреча! Ишь ты, грязный-то какой, захватали тебя, затоптали. Значит ты у фашистов в плену побывал? Вот это да! А мы про тебя совсем забыли, когда уходили из квартиры. Было потом у Володи слез. Уж поплакал он о тебе. Сынишки моего медвежонок,—пояснил он товарищу.

— Герой, можно сказать, из плена вырвался,—засмеялся тот ласково.

— Пожалуй, так,—кивнул головой володин папка.—Ну, Мишук, запакую я тебя завтра в ящик и отправлю по почте к Володе. Передай ему привет от меня. А что грязный,—не горюй. Вымоет мама, опять хороший будешь. Живем, значит, Мишук, и долго еще жить будем. На страх врагу!

Мишка не верил своим пуговкам и плюшевым ушам. Неужели это не сон?

Папка бережно, бережно положил его за борт шинели, и Мишка крепко прижался к нему. Теперь он был самый счастливый плюшевый медвежонок в целом свете.

Государственная ордена Ленина историческая библиотека

Редактор Ф. Майский.

Подписано к печати 12/XI-42 г. Об'ем 0,5 п. л., 0,4 уч.-изд. л. ФБ35693. Тираж 10000. Изд. № 432. Заказ № 4491. Цена 50 коп.

Тип. изд-ва „Челябинский рабочий"

ОИК-71731

956-

Цена 50 коп